

Мария КИСЕЛЕВА

ДВОЙКА

РАССКАЗ

Дед умер с сегодня на завтра. Все это время он тяжело дышал, лежал на старой пропахшей кровати, весь мокрый, уставший. На подушке появлялись все новые и новые разводы от слюны, вытекавшей из приоткрытого рта, и от пота. Все случилось тихо, спокойно, без нервов. Дед сразу узнал, что умрет. Все же вызвали врача. Врач осмотрел его. Сказал, что жить не будет. Старый был дед, уже пожил. Всю ночь у его постели просидели сын и его жена. Внук Сережка был у друга, он ночевал обычно у него на выходных. Когда ему сказали, что дед умирает, ответил, что утром сразу придет.

Дед очень страдал, что не увидит Сережку. Он почему-то сразу понял, что не увидит. А может, и к лучшему, что не увидит? Что не придется Сережке смотреть на его слюни, обонять вонь и пот. Дед чувствовал, что Сережку раздражала его старость, то, что он вечно все испачкает за едой, сам вымажется, то, что Сережке приходилось его, обкаканного, мыть (это была обязанность внука), то, что дед все время переспрашивает: не понимал, о чем идет речь, не знал, что ответить. Сережке все это было противно, и дед это прекрасно понимал и прощал. Он радовался Сережкиным успехам, думал все время о нем. Ему было приятно, что мальчик-отличник – его внук. А самым приятным было воспоминание о Сережкином детстве. Когда дед был еще ничего! Пеленал Сережку, пел ему песенки, усыплял, возился с ним...

Теперь уже Сережка вырос, и дед ничем не мог ему помочь.

Дед тихо умирал, не стонал, только что-то бурчал себе под нос. Умирал так, как обычно умирают от скуки.

Сережка приехал через час, как умер дед. Он знал, что не успеет попрощаться с дедом и почему-то не жалел об этом. Увидев его тело, он испугался: дед был как живой. Мать с бледным опухшим лицом крепко обнимала голову отца, в ужасе стоявшего посередине комнаты. Из морга никак не ехали.

Недели две Сережка ходил равнодушный и угрюмый. Зато пользу быстро нашел: не делал уроков, объясняя учителям: «Дед умер». Учителя жалели, не ругали, понимали: переживает мальчик.

А еще на девяти днях вкусно и много поел. Так редко, только по праздникам, у них готовили, только четыре раза в году, а тут раз – пятый случай подвернулся. Сережа знал, что думал кощунственно, что ему должно быть стыдно, но от осознания, что переступает через что-то очень запретное, божественно запретное, ему хотелось переступить и переступить, вновь и вновь, его захватывало, что эта тайна известна только ему. Он – вот какой: сильный и всемогущий Сережа!

Однако вскоре сознание его переключилось на что-то новое, и он забыл о своем преступлении, о вседозволенности. Очень скоро он забыл и деда. Уже через полгода он не помнил его лица, голоса.

Через два года Сережа перешел в девятый класс. Все было также хорошо в его жизни: пятерки в школе, успехи в спорте, друзья. Как-то учительница литературы задала прочитать повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Прочитав, Сережа начал плакать. Раньше он плакал, только когда был маленьким мальчиком. Дед тогда обычно утешал его, рассказывал сказку. «Где он сейчас? Почему умер?!» Сережа плакал все громче и громче. Скатившись с кровати на пол, он скреб ногтями по ковру, потом в ярости залез головой под комод и начал биться затылком о его дно. В ужасе в комнату вбежали родители. Достав Сережу из-под комода, они стали приводить его в чувство.

Опомнившись, Сережа долго молча сидел, потом все рассказал родителям.

Мама, радостная, со слезами на глазах, прижала его к себе: «Дедушка обязательно услышит тебя!».

«Обязательно», – повторил за ней папа.

Целую неделю мальчик ждал, совсем больной. Его бросало то в дрожь, то в холод, пульс сильно стучал. Он все время думал, думал, думал, до того сильно, что болела и пухла голова. В школе его вызвали к доске. Учитель потребовал объяснить, почему Сережа не подготовил урок. Когда тот ответил, что из-за смерти дедушки, ему не поверили.

Жирная двойка появилась в журнале и дневнике.

Никогда не было у Сережи так спокойно на сердце.

Июль 2004.